

Roza Alimpiejewa

Цветовые прилагательные в художественных текстах С. А. Пушкин : (багряный - багровый - пурпурный)

Acta Polono-Ruthenica 3, 115-125

1998

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Roza Alimpijewa
Kaliningrad

Цветовые прилагательные в художественных текстах А. С. Пушкина (багряный - багровый - пурпурный)

„При имени Пушкина, - отмечает Гоголь, - тотчас осеняет мысль о великом русском национальном поэте... В нем, как будто в лексиконе, заключалось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Он более всех, он далее всех раздвинул ему границы и более показал все его пространство”.¹

Общеизвестно, что Пушкин внес огромный вклад в историю русской культуры и прежде всего в историю русского литературного языка. Для Пушкина - поистине народного поэта, родоначальника русской литературы - русский язык был как бы воплощением самой сути русской нации, средством отражения ее мироощущения, мировосприятия, ее сложного, противоречивого менталитета. Поэтому не случаен тот глубокий интерес, который вызывает у исследователей русского языка язык Пушкина, не случайно стремление к его всестороннему изучению, к осознанию его вечных, непостижимых тайн. Но, несмотря на неизмеримо огромное количество работ, посвященных творчеству великого писателя, вся сущность его стройной, гармонической системы до сих пор остается до конца не познанной. Так, не получили глубокого лингвистического осмысления принципы использования в эстетической системе Пушкина компонентов отдельных лексико-семантических парадигм, в частности парадигм, восходящих к лексико-семантическому полю „цвет”. И это, как представляется, должно привлечь самое пристальное внимание, причем как лингвистов, так и литературоведов, ибо одним из важных элементов стиля и мышления писателя явля-

¹ Н. В. Гоголь, *Несколько слов о Пушкине. Полное собрание сочинений*, Москва - Ленинград 1947 - 1952, т. 8, с. 50.

ются, несомненно, цветообозначения. Отражая наш цветовой мир, находясь с ним в непосредственной соотнесенности, цветовые слова, естественно, становятся носителями колоссального эмоционально-образного потенциала. И эти скрытые возможности соответствующих языковых единиц получают законченное воплощение в структуре истинно художественного произведения. Тем интересней проследить закономерности использования данного языкового материала у Пушкина как основоположника русского литературного языка. При этом, определяя данный общепризнанный статус Пушкина, необходимо исходить из того, что вклад его в историю русской культуры состоит отнюдь не в том, что он создал какой-то принципиально новый русский язык, а в том, что, находясь всегда в русле уже устоявшихся языковых традиций, он в то же время резко изменял традиционное отношение к словам и формам, утверждая новые формы словоупотребления и вместе с тем создавая благоприятные условия для полного выявления скрытых образных возможностей слова. Утрачивая свое прямое значение, слов у Пушкина, как отмечает В. В. Виноградов, „становится многозначным и многоплановым”, что и определяет, по мнению ученого, суть его уникальной „живописной выразительности”.²

Все указанное выше должно было непосредственно отразиться и на специфике использования Пушкиным такого действенного средства художественной выразительности, каким являются цветообозначения. И определяющими в этом творческом процессе должны были стать традиция и новаторство.

Учитывая все разнообразие пушкинской палитры, отраженность в ней всех цветов солнечного спектра³, в рамках данной статьи мы остановимся лишь на одном ее звене, синонимическом ряде багряный - багровый - пурпурный (пурпуровый).

Первые два компонента вышеприведенной лексико-семантической парадигмы восходят в славянскому корню -багр-, причем, если лексема багряный хорошо известна церковнославянским и древне-

² См.: В. Виноградов, *Стиль А. С. Пушкина*, Москва 1941, с. 10.

³ См. об этом: И. В. Рыбакова, *Эпитеты со значением цвета в художественной прозе Пушкина и Лермонтова*, [w:] *Вопросы русского языка*, Ярославль 1969; С. М. Соловьев, *Цвет и жанр в произведениях А. С. Пушкина*, „Русская речь”, 1976, пг 3.

русским текстам (ср.: „И въ ризу багряну облькоша и”, Остр. ев., И., XIX; „Царскыя багряныя ризы”, Изб. Святосл. 1073), то ее синоним - лексема багровый - появилась лишь в начале XVI века. По данным *Словаря Шанского*⁴, ее первые фиксации относятся к 1508 году. Что же касается лексемы пурпурный (пурпуровый), непосредственно восходящей к лат. *purpura*, но этимологически связанной и с греч. словом *porphura*, калькой которого, кстати, является славян. багряница, то как западноевропейское заимствование в русском языке она появилась в XVIII веке.

Исторически обусловленная семантическая связь лексем багряный - багровый - пурпурный (пурпуровый) находит широкое и последовательное отражение в лексикографической традиции. Так, тесная смысловая соотнесенность фиксируется между лексемами багровый и багряный, что с особой четкостью проявляется в их возможных взаимоопределениях. Ср.: багряный - „то же, что и багровый” (МАС, Сл. Ушакова), „багровый” (Сл. Ожегова). Глубокая лексикографическая традиция отождествляет слово багровый и со словом пурпурный (пурпуровый). Ср.: багровый - „имеющий цвет червлёный, пурпуровый, густо-красный” (САР), „имеющий цвет червлёный, пурпуровый” (Сл. 1847), „густо-красный, пурпуровый” (МАС).

Анализ конкретного фактического материала позволяет установить, что все три лексемы, составляющие синонимический ряд багровый - багряный - пурпурный, характерны и для художественных текстов Пушкина. При этом соответствующие употребления оказываются во многом обусловленными уже сложившейся традицией. Так, в соответствии с традицией, то есть в непосредственной этимологической соотнесенности с лат. *purpura* - „пурпур, пурпуровый цвет; пурпуровая одежда, багряница, порфира” (*Латино-русский словарь Шульца*), в текстах Пушкина реализуется лексема пурпурный. Ср., например:

В своей блистательной столице
Толпой рабов охранена,
Спокойно властвует она...
Как дань несут наряды ей,

⁴ Полное наименование словарей см. в конце статьи.

Она беспечно их меняет,
 То в блеске яхонтов сияет,
 То избирает тирских жен
 Покров и пурпурный хитон.
 (Мы проводили вечер на даче)

В собственно традиционном ключе в текстах Пушкина употребляется и лексема багряный, а именно (в шести случаях из семи) как хорошо апробированное в литературе XVIII в. средство обозначения цветовой окраски солнечных зорь или их отсветов. Ср., например:

Редает ночь - заря багряна
 Лучами солнца вожжена.
 (Кольна)

Или:

Зари багряной полоса
 Объемлет ярко небеса.
 (Полтава)

Сложившейся традицией определяется и специфика функционирования в текстах Пушкина лексемы багровый.

Появившись в русском языке, как отмечалось выше, в начале XVI века, лексема багровый, в силу своей этимологической соотнесенности с корнем -багр-, должна была выступить в качестве абсолютного синонима лексемы багряный. И действительно, именно об этом свидетельствуют наиболее ранние тексты: „ту стоить столпь правовърнаго царя Константина от багряна камени” (*Хожд. Стеф. Новг.*, XVI в.) и „Царь премудры Левъ, сынъ Василя Македонянина, сотвориль от камени мраморнаго багроваго [...] праведную руку” (*Сказ. о Льве Премудр.*, XVII в.); „Врачеве гл[агол]ют, что та трава корень имьет язвительной [...] цвѣтомъ же она багряна” (*Травник любч.*, XVII в.) и „Трава скрипунъ [...] цвѣтъ багровъ” (*Леч.*, кн 2, кон. XVII в.). Однако, принимая во внимание, что „существование слов, абсолютно идентичных во всех отношениях, неуловимо кратковременно”⁵, что любая языковая система

⁵ Ф. П. Филин, *Очерки по теории языкознания*, Москва 1982, s. 222.

органически стремится к преодолению избыточности, можно со всей убедительностью предположить, что уже в начале своего функционирования в системе языка лексема багровый должна была обнаружить тенденцию к формированию таких семантических свойств, которые в дальнейшем обуславливают ее семантическую дифференциацию с лексемой багряный. Именно о такой эволюции двух этимологически родственных лексем багряный, багровый свидетельствуют и материалы, представленные в монографии Н. Б. Бахилиной *История цветообозначений в русском языке* (Москва 1975). Изначальная закреплённость лексемы багровый за памятниками, отражающими сферу деловых отношений, в то время как лексема багряный проявляет отчетливое тяготение к литературно-книжным текстам высокой эмоциональной направленности, создает условия для различения данных лексем на коннотативном уровне. Этому в немалой степени способствует и специфика звуковой оболочки лексемы багровый: выразительный звуковой комплекс (гр) в сочетании с характеризующимся напряженной артикуляцией лабиализованного гласного (о) обуславливает звуковые, а через их посредство и более сложные смысловые ассоциации с обладающими повышенной экспрессивностью словами типа: грохот, гром, гроза и т.п. Не исключено также, что определенную роль в развитии соответствующих смысловых и коннотативных потенций слова багровый играло его звуковое сходство и словообразовательная общность со словами типа: суровый, тигровый, здоровый, свинцовый, - активным компонентом семантической структуры которых является признак „интенсивный”.⁶

При дальнейшем семантическом развитии слова багровый органически свойственная ему смысловая напряженность, обуславливаемая отраженностью в его семантической структуре признака „интенсивный”, стала надежной основой его семантической противопоставленности не только слову багряный, но и другим членам ЛСП прилагательных со значением красного цвета. В результате слово багровый при его последующем проникновении в жанры

⁶ Более подробно о семантической эволюции слова багровый см.: Р. В. Алимпиева, *Семантическая значимость слова и структура лексико-семантической группы*, Ленинград 1986, с. 104-115.

светской литературы обнаруживает тенденцию к функционированию в особо драматических речевых ситуациях, связанных с войной, мятежами, кровью, высоким эмоциональным накалом, что получает четкую отраженность в произведениях писателей XVIII века:

Багровая заря кровавый вводит день.
(Ломоносов, *Петр Великий*)

Там руки, там главы, в крови сарцины тонут,
Восходит к небесам с полей багровый дым.
(Херасков, *Чесменский бой*)

Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит.
(Державин, *На взятие Измаила*)

Соответствующее эмоционально-образное осмысление слова багровый характерно и для Пушкина:

Грохочут пушки. Дым багровый
Кругами всходит к небесам.
(*Полтава*)

В связи с отмеченными выше потенциальными возможностями слова багровый, в русской литературе XVIII века, то есть в допушкинский период, наметилась и тенденция к использованию лексемы багровый при обозначении цветовой окраски кожного покрова (прежде всего окраски лица), отличающейся высокой степенью насыщенности и яркости и являющейся результатом воздействия особого рода побочных факторов, что получает, например, отраженность в следующих контекстах:

Алексей Карпович, сосед мой застольный.
Ни уса, ни бороды, а нос уже багровый...
(Радищев, *Путешествие из Петербурга в Москву*)

Набивши нос себе багровый, лучезарный
Блажен родитель твой, советник титулярный.
(Фонвизин, *Послание к Ямщикову*)

При этом в художественных текстах XVIII века в соответствующей функции может получить реализацию и близкий синоним лексема багровый - лексема багряный:

Вмиг с пером седым, кудрявым
На меня надел шелом,
Воружил лицом багряным [перед боем - Р. А.]
И с морщинами челом.
(Державин, *Бой*)

Перекрустите шумный лоб, умыв водой лицо багряно;
с похмелья...
(Державин, *Крестьянский праздник*)

В непосредственной связи с вышеотмеченной традицией лексема багровый как средство передачи высокой степени яркости и насыщенности цвета кожи встречается и в текстах Пушкина. Но, указывая на этот факт, вместе с тем следует отметить и то новое, что вносит писатель в специфику соответствующих употреблений. Так, у Пушкина прежде всего значительно расширяется сама сфера распространения соответствующей окраски. Ср., например, „багровый нос” у писателей XVIII века и пушкинские: „на щеках багровый огонь еще родился”, „играет на лице ее багровый цвет” (как цвет, предвещающий близкую смерть - Р. А.), „бледное лицо покрылось багровым румянцем”.

Значительно обогащаются и эмоционально-экспрессивные возможности соответствующих цветообразов. Если ранее, как правило, это цвет лица возбужденного алкоголем человека, то у Пушкина соответствующий цвет, выраженный через слово багровый, выявляется и как цвет досады (ср. „багровый румянец” мисс Жаксон из повести *Барышня-крестьянка*, заметившей принадлежające ей белила и сурьму на лице своей воспитанницы Лизы Мурмской), и как цвет сильного волнения („багровый румянец” Владимира Дубровского в момент значимого для него разговора с Машей Троекуровой), и как цвет гнева („багровый огонь” на щеках головы в момент встречи со своим ненавистным врагом, братом Черномором). И это пушкинское новаторство непосредственно отразилось на специфике эстетического осмысления соответствующих цветообразов

в произведениях писателей послепушкинского периода развития русской литературы.

И еще один нюанс: начиная с Пушкина, в соответствии со спецификой его художественной системы, лексема багровый, утвердившись как основное средство передачи вышеотмеченной (возбужденной побочными факторами) окраски кожи, совершенно вытесняет из соответствующих речевых ситуаций лексему багряный.

Сложившейся традицией во многом определяется и стилистика контекстов реализации соответствующих лексем. Однако вместе с тем в самом употреблении и осмыслении коннотативных возможностей лексем, входящих в структуру рассматриваемого синонимического ряда, Пушкин проявляет такое новаторство, которое, по сути, обуславливает специфику тончайшей смысловой дифференциации данных лексем (то есть лексем багровый, багряный, пурпурный) как членов определенного синонимического ряда, предопределяя тем самым специфику их последующей эволюции в системе русского языка.

Начнем с того, что в общей структуре рассматриваемого синонимического ряда при его отраженности в текстах Пушкина особую смысловую соотнесенность обнаруживают лексемы багряный и пурпурный (пурпуровый). Это прежде всего проявляется в том, что обе они получают реализацию исключительно в поэтических текстах, то есть в прозе Пушкина данные лексемы не зафиксированы ни одним примером. Тогда как слово багровый получает реализацию равно как в поэтических, так и в прозаических пушкинских текстах. И соответствующее (пушкинское) осмысление стилистических возможностей данных лексем оказало самое активное воздействие на специфику их функционирования в текстах русской художественной литературы как XIX, так и XX века. Действительно, трудно назвать поэта, у которого бы лексемы багряный, пурпурный (пурпуровый) или хотя бы одна из них оказались не востребованными, и, напротив, можно указать на целый ряд прозаических произведений, принадлежащих перу крупнейших писателей прошлого и настоящего, где данные лексемы оказываются неотмеченными ни одним примером. К числу таких произведений можно, например, отнести роман *Герой нашего времени* Лермонтова, повести и рассказы Гоголя, романы Достоевского *Преступление*

и наказание, Идиот, Подросток, Братья Карамазовы; Хождение по мукам, Петр Первый А. Толстого, *Соть, Русский лес* Леонова, а также целый ряд произведений Астафьева, Распутина, Белова.

Более того, в языке Пушкина намечается семантическая дифференциация и между наиболее близкими синонимами багряный и пурпурный. Это проявляется в том, что одна из этих лексем, а именно лексема пурпурный обнаруживает четко выраженное стремление к реализации не в любых поэтических текстах, а в таких, которые заключают в себе представление о истинно величественном, возвышенном, прекрасном. Чтобы понять, о чем идет речь, достаточно сопоставить случаи реализации в поэтической системе Пушкина лексемы багряный (например, „зари багряной полоса”, „но день багряный вечерел”) со следующими реализациями в той же системе лексемы пурпурный (пурпуровый):

В роскошном сумрачном покое
Средь обольстительных чудес
Под сенью пурпурных завес
Блестит ложе золотое.

(Египетские ночи)

Здесь долго светится небесная лазурь;
Здесь кратко царствует жестокость зимних бурь.
На скифских берегах переселенец новый,
Сын юга, виноград блестит пурпуровый.

(К Овидию)

Именно такое, идущее от Пушкина, эстетическое осознание лексемы пурпурный (пурпуровый) в ее противопоставленности лексеме багряный легло в основу их дальнейшего семантического развития, в процессе которого лексема пурпурный (пурпуровый) уже независимо от зон ее конкретных реализаций формируется как средство передачи ощущения величественного, возвышенно прекрасного. Высокий вес связанных с соответствующим ощущением коннотативных признаков („величественный”, „возвышенный”, „прекрасный”) в семантической структуре данной лексемы как единицы современного русского языка подтверждается теми далеко не редкими случаями ее употребления, когда при низкой степени

мотивированности собственно цветового, номинативного значения резко возрастает роль ее коннотатов, о чем, например, свидетельствуют следующие тексты: „Много есть у пурпурных небес, О мой друг, о моя красота, - И загадок, и тайн, и чудес” (Брюсов, *С кометы*), „На Макарийских островах Живут без горя человеки, Там в изумрудных берегах Текут пурпуровые реки” (Бальмонт, *Райские птицы*). И эти, и им подробные реализации рассматриваемой лексемы пурпурный (пурпуровый) берут свое начало в языковой поэтической практике великого писателя-реформатора Пушкина.

Особое осмысление в рассматриваемой языковой системе получает и лексема багряный, в результате чего и она становится уникальным в своей неповторимости компонентом рассматриваемого синонимического ряда. Речь идет о новаторском передвижении в поэтической системе Пушкина данной лексемы (равно как и связанной с нею этимологически лексемы багрец) в зону „осень”, что было обусловлено особым поэтическим видением, сумевшим установить единство соответствующих зрительных и эстетических впечатлений. Действительно, сияющая золотом и алмазами багряница и покрытые багряно-золотой листвой деревья, лес поэтически тождественны. Но эту образную тождественность между богатой, драгоценной царственной одеждой и богатством осенней окраски впервые сумел установить именно Пушкин. Вот они пушкинские тексты: „Роняет лес багряный свой убор” (*19 октября*), „В багрец и золото одетые леса” (*Осень*), - которые для последующих русских писателей также стали эталоном истинно поэтического видения, образцом для многочисленных подражаний. Количественное накопление таких употреблений лексемы багряный не могло не отразиться на ее последующей семантической эволюции, обусловившей превращение данной лексемы в специализированное средство обозначения красных осенних листьев и тем самым определявшей ее семантическую специфику в соотнесенности с другими компонентами рассматриваемого синонимического ряда багряный - багровый - пурпурный (пурпуровый).

На примере анализа данной лексико-семантической парадигмы мы попытались проникнуть в творческую лабораторию не просто великого русского писателя, но равно и великого лингвиста, тонко чувствующего все мельчайшие нюансы русского слова, его неосоз-

нанные предшественниками потенциальные возможности, его соотнесенность с другими близкими ему по смыслу словами и текстом произведения в целом. Поэтому Пушкин навсегда активно останется в русской культуре, а его язык будет продолжать служить живым источником и образцом художественного слова для многих поколений русских писателей.

Список использованных словарей

МАС - *Словарь русского языка*, т. 1-4, Москва 1981 - 1984.

Сл. Ожегова - С. И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Москва 1972.

Сл. Ушакова - *Толковый словарь русского языка*, под ред. Д. Н. Ушакова, т. 1-4, Москва 1935 - 1940.

Словарь Шанского - *Этимологический словарь русского языка*, под ред. Н. М. Шанского, т. 1, Москва 1965.

Сл. 1847 - *Словарь церковнославянского и русского языка*, сост. Вторым отделением Академии наук, т. 1-4, Санкт-Петербург 1847.

САР - *Словарь Академии Российской по азбучному порядку расположенный*, cz. 1-6, Санкт-Петербург 1806 - 1822.